

УДК 343.1

Х. А. Каландаришвили, В. В. Иванов, М. А. Днепровская

ПРЕЮДИЦИАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ РЕШЕНИЙ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Поступила в редакцию 10.07.2021 г.

Рецензия от 20.07.2021 г.

5

Преюдиция представляет собой один из наиболее проблематичных процессуальных институтов, воплощая тезис о неизблемости фактов, установленных вступившим в законную силу судебным актом. Вместе с тем вопрос о межотраслевом характере преюдиции является сравнительно новым для отечественной науки и требует пристального исследования с учетом специфики различных отраслей судопроизводства. Особое значение этот вопрос приобретает в уголовном процессе, где приговор может строиться на выводах судов, сделанных в рамках гражданского, арбитражного или административного судопроизводства.

Цель исследования состоит в анализе существующих в научной литературе точек зрения по вопросу о возможности реализации межотраслевого характера преюдиции в современном российском уголовном судопроизводстве и пределах ее действия. Также рассматривается правоприменительная практика. При написании работы использованы сравнительный, аналитический и исторический методы исследования. Сформулирован авторский подход к решению вопроса о возможности и необходимости учета судебных решений, принятых в рамках гражданского арбитражного и административного судопроизводства, как межотраслевой преюдиции при производстве по уголовным делам. Показаны плюсы и минусы межотраслевой преюдиции в уголовном процессе. Обращено внимание на особенности применения института межотраслевой преюдиции по делам об экономических преступлениях. Сделан вывод о необходимости руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросу о возможности и целесообразности, а также порядке использования в доказывании фактов, установленных вступившим в законную силу решением суда.

Prejudice is one of the most problematic procedural institutions. It substantiates the inviolability of the facts established by a judicial act that has entered into legal force. At the same time, the issue of the intersectoral nature of prejudice is relatively new for domestic science and requires close research, taking into account the specifics of various branches of legal proceedings. This issue is of particular importance in criminal proceedings, where the verdict can be based on the conclusions of the courts made in civil, arbitration or administrative proceedings.

This study focuses on the existing points of view in the academic papers, as well as in the law enforcement practice on application of the intersectoral nature of prejudice in the modern Russian criminal process and its limits.

Comparative, analytical and historical research methods were used in the research. The author formulated the approach to solving the issue of the possibility and necessity of taking into account court decisions taken in the framework of civil and arbitration proceedings as an intersectoral prejudice in criminal proceedings. Intersectoral prejudice in criminal proceedings has its pros and cons. The institute of intersectoral prejudice in cases of economic crimes is rather special to apply and it is studied in the paper. The author considers the need for guiding clarifications of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on the issue of the possibility and feasibility, as well as the procedure for using in proving the facts established by a court decision that has entered into legal force.

6

Ключевые слова: судопроизводство, преюдиция, приговор, решение суда, суд, оценка доказательств

Keywords: legal procedure, prejudice, verdict, court decision, court, evidence justification

В литературе не сложилось однозначного отношения к современной формуле преюдиции (ст. 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации). Так, по мнению В.С. Балакшина, изменения 2009 г. имели положительный эффект, сделав норму права четче и понятнее, чем раньше [3, с. 110]. Другие авторы активно критикуют современный вид преюдиции и считают подобное сочетание (межотраслевая и непроверяемая) неудачным, поскольку на практике это приводит к ситуации, в рамках которой зачастую невозможно достичь установленных ст. 6 УПК РФ целей уголовного судопроизводства [2, с. 5].

Представляется, что в основе спора о характере преюдиции лежит проблема, в равной мере не решенная ни в теории доказывания, ни в правоприменительном процессе. Так, с одной стороны, решение суда независимо от процедуры, в рамках которой оно вынесено, обладает всеми необходимыми характеристиками (законность, обоснованность, мотивированность). И недопустимо ставить под сомнение как решение в целом, так и отдельные факты, установленные этим решением. Дополнительным аргументом, подтверждающим этот тезис, является единство статуса судей независимо от характера рассматриваемых дел и процедуры рассмотрения (вида судопроизводства). С другой стороны, разные авторы регулярно подчеркивают разность подходов к доказыванию в рамках различных видов судопроизводства, различную степень гарантий прав участников судебного разбирательства (наиболее отчетливо это можно наблюдать при сопоставлении уголовного процесса и производства по делам об административных правонарушениях), различные полномочия суда в разных видах судопроизводства, несовпадение возможностей сторон при участии в доказывании и т.д. [6; 16, с. 6].

В частности, в науке уголовно-процессуального права не раз обсуждалась проблема преюдициального значения обстоятельств, установленных решением одного суда, для дела, рассматриваемого другим судом, то есть проблема соотношения свободы судейского усмотрения

и свободы оценки доказательств с неопровержимостью межотраслевой преюдиции. Закрепленная в действующем законодательстве формулировка преюдиции говорит о том, что суд отступает от общих правил доказывания и, оперируя целым рядом фактов в описательно-мотивировочной части выносимого им решения, не проводит их проверку и оценку, не имеет возможности отнестись к ним критически, поскольку обязан их принимать без каких-либо оговорок и опираться на них при вынесении решения.

В связи с этим возникает закономерный вопрос: нет ли противоречия в одновременном параллельном существовании в законе института межотраслевой преюдиции и принципа свободы оценки доказательств? Общеизвестно, что никакие доказательства не имеют заранее установленной силы. Этот тезис прямо закреплен в ст. 17 УПК РФ и всеми студентами юридических факультетов изучается как один из основополагающих принципов уголовного процесса. А существование межотраслевой преюдиции позволяет поставить под сомнение незыблемость этого тезиса. В этой связи И. Я. Фойницкий писал: «Но что же понимает закон под свободною оценкой доказательств, им насаждаемую?.. [Закон] предполагает знание дела путем изучения его по объективным данным, в самом деле заключающимся. Оценка доказательств есть умственная деятельность, разрешающаяся сомнением или убеждением» [18, с. 191].

Действительно, проблема существует и требует своего исследования и разрешения. Не является ли существование института преюдиции вообще и межотраслевой преюдиции в частности отступлением от основополагающих начал уголовного судопроизводства? Можно ли рассматривать ее как способ ограничения независимости суда и процессуальной самостоятельности иных органов и лиц, ведущих производство по делу? Ведь лица, участвующие в доказывании по уголовному делу, отвечают за установление всех юридически значимых обстоятельств произошедшего события и должны установить каждое из них с помощью собранных по делу доказательств. В то же время необходимость уважения судебной власти и исполнения вступивших в законную силу решений суда не позволяет нам ставить под сомнение установленные таким решением факты.

Изложенное свидетельствует о существовании серьезного противоречия. Либо уполномоченные государственные органы и должностные лица должны самостоятельно, руководствуясь внутренним убеждением и положениями закона, оценить истинность полученного знания, либо им надлежит принять значение ряда имеющих значение для дела фактов, поскольку преюдиция — это не что иное, как «обязательность для всех судов, рассматривающих дело, принять без проверки и доказательств факты, ранее установленные вступившим в законную силу судебным решением или приговором по какому-либо другому делу» [4, с. 544].

Дискуссия о преваляровании одного положения закона над другим нередко возникала на страницах печати. Исследователи зачастую занимали диаметрально противоположные позиции: предпочтение отда-

валось либо внутреннему убеждению, либо преюдиции. Так, например, Я.О. Мотовиловкер полагал, что подобное противоречие нельзя решить в пользу преюдиции [12, с. 117].

Рассматривая преюдицию, закрепленную в ст. 28 УПК РСФСР 1960 г., Г.Я. Борисевич писал: «Данная норма соответствовала убеждениям практических работников в том, что в определенных случаях (обоснованных сомнениях в истинности судебного решения) преюдиция должна быть опровержимой. Другое представление о сущности преюдиции противоречило бы принципу свободы оценки доказательств» [5, с. 264]. Аналогичного взгляда придерживался и Р. Искандеров, полагавший, что суд вправе дать новую оценку установленным ранее фактам и выводам в соответствии с той совокупностью доказательств, которая имеется в его распоряжении [10, с. 22].

З.З. Зинатуллин считал, что лица, ведущие производство по делу, «не могут входить в обсуждение доброкачественности соответствующего процессуального акта, в котором они констатированы, и делать новые выводы, противоречащие этому акту, пока последний не отменен в установленном законом порядке» [9, с. 214].

Самый лаконичный, однако не решающий спора, ответ был дан М.С. Строговичем, считавшим, что первоначальный приговор не имеет силу закона — это официальный ненормативный акт, удостоверяющий отдельные факты, принимаемые судом как истинные без дополнительной проверки в том случае, когда они представляются суду бесспорными и не вызывающими сомнений в своей истинности. При сомнении в том или ином факте, установленном вступившим в законную силу приговором, при возражении против этого факта со стороны обвиняемого или иного участника процесса суд обязан исследовать данный факт по существу [15, с. 214].

По нашему мнению, межотраслевая преюдиция имеет безусловное превалирующее значение над принципом свободы оценки доказательств. Данное законное предположение согласовывает различные виды судопроизводств, которые не могут существовать в изоляции друг от друга. Признание того факта, что свобода оценки доказательств в конкретном деле является более весомым аргументом, нежели мнение суда, уже рассматривавшего данные обстоятельства, — это путь к формированию фактической презумпции некомпетентности суда при решении вопросов, непосредственно отнесенных к его ведению.

Однако неправильно абсолютизировать действие преюдиции, каким бы странным ни показалось это утверждение на первый взгляд. Данный вопрос целесообразно рассматривать в контексте проблемы «преюдициальности» судебного акта вообще. Недопустимо и неверно исследовать преюдицию в отрыве от иных институтов и норм уголовно-процессуального права. При этом следует отметить, что преюдиция не относится к классу правовых фикций, которые не могут быть опровержимы никогда.

Предусмотренная законодателем возможность пересмотра вступившего в законную силу приговора или иного судебного акта (в кас-

сационном, надзорном порядке, а также ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств (главы 47.1, 48.1 и 49 УПК РФ, главы 41, 41.1 и 42 ГПК РФ, главы 35, 36.1 и 37 АПК РФ, а также главы 35, 36 и 37 КАС РФ)) позволяет правоприменителю отменить не соответствующий фактическим обстоятельствам судебный акт, который к этому моменту уже формально будет обладать свойством преюдициальности.

Безусловно, замечания в адрес межотраслевой неопровержимой преюдиции были сформулированы достаточно давно. Так, по мнению И. В. Чащиной, отсутствие разработанного механизма действия межотраслевой преюдиции привело к ситуации, при которой в результате вступивших в законную силу решений гражданских и арбитражных судов, вынесенных на основе сфальсифицированных доказательств или обстоятельств, признанных сторонами и судом истинными без проверки, в следственной и судебной практике возникают коллизии, принимаются юридически не обоснованные решения, тем более усугубляющие положение участников уголовного судопроизводства, что уголовный суд не может не только игнорировать подобные решения, но и усомниться в их достоверности [19, с. 3].

По мнению В. А. Азарова и Д. М. Нурбаева, межотраслевая преюдиция не позволяет правоохранительным органам в должной мере осуществлять свои полномочия по возбуждению и расследованию преступлений экономической направленности, если арбитражный суд уже вынес решение, в котором оценил действия конкретных лиц и признал их законными [2, с. 5].

Однако анализ судебной практики в полной мере не подтверждает данного утверждения. Так, судебной коллегией по уголовным делам Омского областного суда рассматривалась кассационная жалоба адвоката на постановление Центрального районного суда г. Омска, в котором решение о возбуждении уголовного дела по признакам ч. 4 ст. 159 УК РФ в отношении Д. было признано законным и обоснованным. В жалобе заявитель указал, что данное уголовное дело было возбуждено без достаточных на то оснований, вопреки состоявшимся судебным решениям Первомайского районного суда г. Омска, по которым был признан факт невнесения средств гражданами Н. и П. в счет исполнения обязательств по договору инвестирования строительства жилого комплекса. Суд кассационной инстанции признал доводы необоснованными, поскольку, как следует из текста указанных решений, в них установлен факт отсутствия надлежаще оформленного первичного бухгалтерского документа, подтверждающего внесение Н. и П. вклада в инвестирование по договорам долевого строительства, в то время как уголовное дело возбуждено в связи с тем, что Д., являясь директором, путем обмана и злоупотребления доверием граждан, с использованием своего служебного положения заключил от имени юридического лица договоры о долевом участии в инвестировании строительства жилого дома с Н. и П. Получив от них денежные средства, Д. выдал квитанции к приходным кассовым ордерам на полученную сумму, но не внес платежей в реестр дольщиков, не передал денежные средства главно-

му бухгалтеру для отражения прихода денежных средств в кассовой книге и на счете организации, а похитил их, используя по личному усмотрению [20]. В данном случае судом правомерно отказано в удовлетворении жалобы, поскольку, хотя приведенные решения имеют преюдициальное значение для рассматриваемого дела, они не подтверждают и не могут подтверждать правомерность действий Д. К сожалению, приведенный пример демонстрирует не только правильное применение межотраслевой преюдиции, но также грубое нарушение принципа презумпции невиновности, так как суд без оговорок на стадии предварительного расследования признал лицо виновным в совершении преступления.

В другом случае также судебная коллегия по уголовным делам Омского областного суда при рассмотрении кассационного представления прокурора на постановление Центрального районного суда г. Омска, которым было отменено постановление следователя о прекращении уголовного дела в отношении К. С. по ч. 3 ст. 159 УК РФ, признала обжалуемое решение законным и обоснованным. Суд кассационной инстанции поддержал выводы Центрального районного суда г. Омска, указав, что следователь, необоснованно сославшись на преюдицию — решение арбитражного суда (которым отказано в удовлетворении иска в связи с тем, что истец не доказал факта наличия обязательства по оплате самовольно захваченного имущества), фактически устранился от установления обстоятельств самовольного захвата помещения [21].

Представляется, что на основе данных примеров невозможно прийти к однозначному выводу о том, что межотраслевая преюдиция является безусловным препятствием для расследования и рассмотрения уголовных дел. Данные примеры также демонстрируют деление преюдиции в зависимости от субъекта принятия процессуального решения в уголовном судопроизводстве (преюдиция, применяемая судом, прокурором, следователем).

Подтверждением обоснованного применения межотраслевой преюдиции может служить следующий пример. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ установила, что Б. признан виновным и осужден за злостное неисполнение служащим коммерческой организации вступившего в законную силу решения суда, а равно воспрепятствование его исполнению. Проверив материалы уголовного дела и обсудив доводы, приведенные в надзорной жалобе, Судебная коллегия нашла судебные постановления подлежащими отмене, а уголовное дело в отношении Б. — прекращению на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, то есть за отсутствием в его действиях состава преступления, поскольку решением Советского районного суда г. Омска было установлено, что с 10 октября 2008 по 14 января 2010 г. должность генерального директора ЗАО «...» занимал М. В связи с этим, принимая решение о виновности Б., суд установил иные факты, чем те, которые ранее были установлены решением суда по гражданским делам [23]. Представляется, что в данном случае межотраслевая преюдиция позволила законно отменить обвинительный приговор, установить факт

отсутствия состава преступления, что также соответствует назначению уголовного судопроизводства — защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ). Также это пример межотраслевой (или логической) обязательной преюдиции обстоятельств.

В литературе сформировалось достаточно твердое убеждение, что обязательность преюдиции «означает недопустимость проверки судом установленных в ранее вынесенном решении обстоятельств, имеющих значение для дела, которое рассматривается. Все это ограничивает активность суда в части исследования обстоятельств, входящих в предмет доказывания, что является прямым нарушением принципа публичности в уголовном процессе» [13, с. 8]. Также Е. И. Жидкова указывает, что при производстве по делам о налоговых правонарушениях межотраслевая уголовно-процессуальная преюдиция играет роль «абсолютного препятствия», ввиду того что решение суда по факту налогового правонарушения, принятое в рамках гражданского или арбитражного судопроизводства и вступившее в законную силу, признающее действия лица законными, становится для правоохранительных органов непреодолимым препятствием. И не играют никакой роли ни характер положенных в основу такого судебного решения доводов, ни процессуальная позиция сторон, ни доказательства, имеющиеся в распоряжении органов уголовного преследования [8, с. 120].

Так, в литературе высказывались предложения предусмотреть в процессуальном законодательстве «перечень исключительных условий, при наличии которых допускается аннулирование законной силы судебного акта, и субъектов, компетентных инициировать подобные процедуры» [7]. По нашему мнению, этот механизм «аннулирования законной силы» без отмены самого судебного акта представляется спорным, поскольку непонятно, какими свойствами в данных обстоятельствах будет обладать подобный документ. Представляется, однако, что в любом случае дальнейшее его использование невозможно, ввиду того что законная сила судебного акта определяет его целевое назначение. Если же речь идет об отмене приговора или иного решения суда, то этот механизм представлен как в УПК РФ, так и в АПК РФ и ГПК РФ — это «возобновление производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств».

С. И. Скабелин считает, что «при отсутствии между сторонами спора о существовании закрепленного судебным решением факта необходимость в его доказывании отсутствует. Исключением являются случаи фальсификации доказательств, использованных в процессе доказывания по гражданскому, арбитражному или административному делу» [14, с. 24–28]. Механизм преодоления межотраслевой преюдиции предполагает, что факты, противоположные установленным, должны подтверждаться доказательствами, которые суд будет оценивать по правилам, закрепленным в ст. 88 УПК РФ. Оспариваемые одной из сторон и вызывающие сомнения у суда факты также, в свою очередь, должны подтверждаться соответствующими доказательствами.

Впрочем, последние по времени исследования данной проблемы показывают, что отношение правоприменителя существенным образом изменилось. Так, Конституционный Суд РФ не принял к рассмотрению жалобу привлеченной к уголовной ответственности по ч. 4 ст. 159 УК РФ А. В. Молотовой. При этом суд первой инстанции отклонил доводы стороны защиты о наличии преюдициального значения актов арбитражных судов, признавших недействительным решение инспекции Федеральной налоговой службы о привлечении возглавляемого А. В. Молотовой юридического лица к налоговой ответственности, поскольку предметы рассмотрения в рамках арбитражного и уголовного судопроизводства не совпадали [22].

Так, по справедливому замечанию Н. В. Азаренка, можно сделать вывод, что в настоящее время «не исключается возможность проведения дополнительной проверки обстоятельств, вызывающих сомнение у суда, прокурора, следователя, дознавателя, когда эти обстоятельства установлены вступившим в законную силу решением суда, принятым в рамках гражданского судопроизводства» [1, с. 54].

Однако наличие явных проблем, касающихся использования межотраслевой преюдиции при расследовании и рассмотрении уголовного дела, выразилось в подавляюще негативном отношении большинства респондентов к введению межотраслевой преюдиции в УПК РФ: более 58 % следователей, дознавателей ответили, что отрицательно относятся к введению в 2009 г. межотраслевой преюдиции, поскольку эта новелла существенно затруднила процесс возбуждения уголовных дел; мнение судей разделилось так: 49 % опрошенных высказали свое негативное отношение к данному приему юридической техники, однако 51 % поддержали межотраслевую преюдицию.

Впрочем, не следует забывать, что сложившаяся к 2009 г. диаметрально противоположная ситуация в правоприменительной практике как раз и вынудила законодателя сменить отраслевую преюдицию на межотраслевую. Основным же назначением преюдиции сегодня остается «исключение противоречий между итоговыми судебными актами, обеспечение их стабильности, а также упрощение процесса доказывания в тех случаях, когда факты и правоотношения уже были предметом судебного рассмотрения и установлены судебным решением» [17, с. 13].

Таким образом, механизм межотраслевой преюдиции объединяет различные виды судопроизводства и в перспективе ведет к созданию единых принципов доказывания и возрождению идеи единства процесса. В настоящее время законодательное закрепление межотраслевой преюдиции предполагает необходимость выработки, с одной стороны, единого доктринального подхода к ее пониманию и законодательному закреплению, с другой — единого механизма ее использования в правоприменительной практике для всех видов судопроизводства. При этом не стоит забывать, что нарушение правила о межотраслевой преюдиции воспринимается и органами, осуществляющими международное правосудие [24], и Верховным Судом РФ [25] как одно из проявлений нарушения принципа правовой определенности. Таким образом,

решение обсуждаемого вопроса, скорее всего, лежит в плоскости четкого определения пределов действия преюдиции, однако, как справедливо отметил С. Ю. Кузнеценко, «на данный момент УПК РФ лишь частично урегулировал вопрос пределов действия преюдиции, в значительной степени этот важный аспект остается освещенным лишь в интерпретационных актах Конституционного Суда РФ, что видится законодательным упущением» [11, с. 28].

Так, необходимо разрешить вопрос о правилах исследования в судебном заседании преюдициальных судебных актов. Практика демонстрирует примеры, когда суду было достаточно одного соответствующим образом заверенного судебного акта, в иных случаях суд исследовал также и документы, на основании которых он был принят. По нашему мнению, при рассмотрении уголовного дела должно быть достаточно одного судебного акта, поскольку факт исследования оснований (доказательств) его вынесения не соответствует сущности современной преюдиции (должны приниматься судом без дополнительной проверки).

Также не урегулирован вопрос о том, насколько суд в уголовном судопроизводстве при квалификации деяния может опираться на вступившие в законную силу приговоры, в которых соучастники по рассматриваемому делу уже признаны виновными. При этом речь не идет о производстве в особом порядке при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением. Так, в определенных случаях суд при переквалификации деяния напрямую ссылается на приговор в отношении соучастника [26]. По нашему мнению, вопрос о квалификации непосредственно затрагивает вопрос виновности, поэтому прямая и категоричная ссылка без исследования иных доказательств недопустима.

На основе представленной судебной практики можно заключить, что постепенно сам правоприменитель изыскивает способы обходить правило о преюдиции в тех случаях, когда это является обоснованным, и применять это правило, когда оно соответствует назначению уголовного судопроизводства. Однако отдавать данный вопрос исключительно на откуп самим правоприменителям никак нельзя. В настоящее время категорически не хватает разъяснений Пленума Верховного Суда РФ о правомерном и неправомерном использовании межотраслевой преюдиции.

Список литературы

1. *Азаренок Н. В.* Изменение конституционно-правового подхода к преюдиции? // Российская юстиция. 2019. №7. С. 51 – 54.
2. *Азаров В. А., Нурбаев Д. М.* Внутреннее убеждение при оценке в уголовном процессе преюдициального значения решений, принятых в гражданском, арбитражном или административном судопроизводстве. М., 2016.
3. *Балакишин В. С.* Преюдициальная сила решения, принятого в рамках административного процесса, в уголовном судопроизводстве // Российский юридический журнал. 2012. №6. С. 110 – 113.
4. *Большой юридический словарь* / под ред. А. Я. Сухарева, В. Д. Зорькина, В. Е. Крутских. М., 1999.

5. *Борисевич Г. Я.* О проблемах применения статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса РФ // Вест. Пермского университета. Юридические науки. 2014. №1. С. 260–268.

6. *Головко Л. В.* Три аксиомы применения института преюдиции в уголовном процессе // Доказывание и принятие решений в современном уголовном судопроизводстве : матер. междунар. науч.-практ. конф., посвященной памяти д-ра юр. наук, проф. П. А. Лупинской (17–18 марта 2011 г.). М., 2011. С. 48–58.

7. *Денисова А. В.* Межотраслевые правовые институты как средство обеспечения системности российского уголовного законодательства // Общество и право. 2011. №1. С. 94–98.

8. *Жидкова Е. И.* Новая редакция УПК РФ: возврат к прежнему порядку производства по уголовным делам о налоговых преступлениях? // Уголовное право. 2015. №2. С. 118–121.

9. *Зинатуллин З. З.* Уголовно-процессуальное доказывание. Ижевск, 1993.

10. *Искандеров Р.* О преюдициальном значении приговора // Советская юстиция. 1990. №22. С. 22–23.

11. *Кузнеценко С. Ю.* Особенности преюдиции в уголовно-процессуальном праве России. Отличие от института преюдиции в гражданском, арбитражном и административном процессах // Российская юстиция. 2019. №9. С. 25–28.

12. *Мотовиловкер Я. О.* Показания и объяснения обвиняемого как средство защиты в советском уголовном процессе. М., 1956.

13. *Оскина И., Луну А.* Как избежать судебных противоречий // ЭЖ-Юрист. 2015. №1. С. 8.

14. *Скабелин С. И.* Объективные данные и преюдициальные факты как основание для производства процессуальных действий // Адвокат. 2014. №9. С. 24–28.

15. *Строгович М. С.* Учение о материальной истине в уголовном процессе. Л., 1947.

16. *Треушников М. Г.* Судебные доказательства : монография. М., 2005.

17. *Фидельский С. В.* Преюдиция в уголовно-процессуальном праве: нормативное закрепление и порядок реализации : автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 2011. С. 13.

18. *Фойницкий И. Я.* Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т. 2.

19. *Чащина И. В.* Преюдиция в уголовном процессе России и зарубежных стран (сравнительно-правовое исследование) : дис. ... канд. юр. наук. М., 2011.

20. *Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Омского областного суда от 30.08.2012 г. №22-3673/12* // ГАС РФ «Правосудие». URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/showDocument.html#id=ac11348fb320fe859b0617fcdf7f1e8&shard=Уголовные%20дела&from=p&r=> (дата обращения: 08.02.2021).

21. *Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Омского областного суда от 26.07.2012 г. №22-3104/12* // ГАС РФ «Правосудие». URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/showDocument.html#id=41a3056423a7751b53ec075443b79249&shard=Уголовные%20дела&from=p&r=> (дата обращения: 08.02.2021).

22. *Определение Конституционного Суда РФ от 19.07.2016 №1697-О.* Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Молотовой Агнесы Вилоровны на нарушение ее конституционных прав статьей 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

23. *Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 23.07.2013 г. №50-Д13-56.* Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

24. *Постановление ЕСПЧ от 24.07.2003 г. по делу «Рябых против Российской Федерации» (жалоба №52854/99).* Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

25. *Постановление* Президиума Верховного Суда РФ от 25.12.2013 г. №315-П13ПР. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

26. *Приговор* Сыктывкарского городского суда Республики Коми от 3.09.2015 г. №1698/2015 // ГАС РФ «Правосудие». URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5/showDocument.html?id=513f1d99e4a3ec8035767f1423072834&shard=Уголовные%20дела&from=p&r=> (дата обращения: 15.02.2021).

Об авторах

Христина Александровна Каландаришвили – ст. преп., Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия, Россия.
E-mail: konsuelo1919@mail.ru

Вячеслав Васильевич Иванов – канд. юр. наук, доц., Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева, Россия.
E-mail: Ivanov_sl@rambler.ru

Марина Анатольевна Днепровская – канд. юр. наук, ФГБОУ ВО «ИРНИТУ», Россия.
E-mail: mariosky@rambler.ru

The authors

Khristina A. Kalandarishvili, Senior Lecturer, East Siberian Branch of the Russian State University of Justice, Russia.
E-mail: konsuelo1919@mail.ru

Dr Vyacheslav V. Ivanov, Associate Professor, the Korolev Samara National Research University, Russia.
E-mail: Ivanov_sl@rambler.ru

Dr Marina A. Dneprovskaya, Associate Professor, IRNIT University, Russia.
E-mail: mariosky@rambler.ru